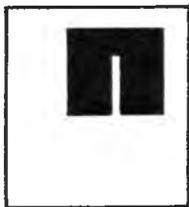


КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВ

Маршал Советского Союза И. С. КОНЕВ



После победоносной битвы на Курской дуге стратегическое наступление Советской Армии успешно продолжалось во второй половине 1943 года. На южном крыле советско-германского фронта войска Первого, Второго, Третьего и Четвертого Украинских фронтов к началу 1944 года освободили от врага Киев, Черкассы, Днепрпетровск, Кировоград и многие

другие города, захватили важные оперативные плацдармы на правобережной Украине.

Этими победами были созданы благоприятные условия для проведения новых операций, цель которых заключалась в полном освобождении правобережной Украины и Крыма путем расчленения и уничтожения по частям крупных группировок врага, противостоящих Первому, Второму и Третьему Украинским фронтам.

Успешные боевые действия на юге давали возможность вернуть Родине важные промышленные и сельскохозяйственные районы и открывали путь для освобождения от фашистских оккупантов Балкан и Польши.

Однако, прежде чем приступить к освобождению правобережной Украины, требовалось уничтожить гитлеровскую группировку в среднем течении Днепра, в районе Канева. Обороняющаяся здесь Корсунь-Шевченковская группировка войск противника, используя благоприятную для обороны местность, образовала глубокий выступ, вклинившийся в стык между Первым и Вторым Украинскими фронтами. Крупные силы этой группировки, нависшие над смежными флангами фронтов, создавали угрозу контр наступления гитлеровских войск, задерживали выход наших армий в западные районы Украины.

Немецко-фашистское командование стремилось во что бы то ни стало удержать Корсунь-Шевченковский выступ, оно все еще не хотело мириться с тем, что «Восточный оборонительный вал» окончательно потерян. Гитлер и его генералы полагали, что им удастся сильными ударами сбросить наши войска с плацдармов на Днепре, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы правобережной Украины и установить сухопутную связь со своей крымской группировкой. Отход же от Днепра, потерю правобережной Украины Гитлер не без основания рассматривал как разрыв всего стратегического фронта немецких войск. Наконец, немалую роль играли и политические соображения. Удерживая Корсунь-Шевченковский выступ, Гитлер пытался скрыть провал своих стратегических планов в войне на Восточном фронте. По всем этим причинам противник принимал все меры к созданию в районе Корсунь-Шевченковского выступа устойчивой обороны, которая в дальнейшем послужила бы исходным рубежом наступательных действий крупного масштаба.

Следует подчеркнуть, что и местность в районе выступа очень способствовала созданию обороны. Многочисленные реки, ручьи, глубокие овраги с обрывистыми склонами, множество крупных населенных пунктов способствовали созданию оборонительных рубежей на большую глубину. Гитлеровцы использовали эти благоприятные условия для создания прочной обороны с развитой системой инженерных сооружений. На правобережной Украине гитлеровцы сосредоточили крупные и наиболее боеспособные соединения и части — всего 93 дивизии, в том числе 18 танковых и 4 моторизованных из 28 действующих на всем советско-германском фронте.

Уступая нам количественно в пехоте, авиации и артиллерии, противник имел здесь некоторое превосходство в танках и штурмовых орудиях. Наиболее сильная танковая группировка врага — до десяти дивизий — располагалась в районе Умани и Кировограда. Непосредственно же в Корсунь-Шевченковском выступе на участке Тыновка — Баландино оборонялись правофланговые соединения 1-й танковой и левофланговые соединения 8-й полевой армий немецко-фашистских войск.

Наземные войска врага существенно усиливались авиацией. Перед Первым и Вторым Украинскими фронтами действовали основные силы 4-го воздушного флота немцев.

Войска противника, хотя они и понесли значительные потери в предыдущих боях, были вполне боеспособны. Большая часть их длительное время находилась на советско-германском фронте и имела большой боевой опыт.

Ликвидировать Корсунь-Шевченковский выступ, уничтожить расположенную на нем вражескую группировку — вот в чем состояла пер-

воочередная задача войск Первого и Второго Украинских фронтов, развертывающих совместно с другими Украинскими фронтами общее наступление с целью полного освобождения правобережной Украины. Выполнить эту задачу требовалось как можно быстрее. Мы понимали, что противник надеется получить передышку, привести в порядок свои войска, закончить строительство оборонительных рубежей, с которых, как я уже говорил, он намеревался в будущем начать наступление. Для такой надежды у него были основания. И прежде всего распутица, превратившая в конце января все дороги в сплошное месиво, которое не могли одолеть даже повозки, запряженные волами. Вражеское командование не ожидало крупного наступления наших войск в такое время года.

12 января Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о ликвидации Корсунь-Шевченковского выступа. Операцию предстояло совершить двум фронтам: Первому Украинскому — командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин, члены Военного совета генералы К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко, начальник штаба генерал А. Н. Боголюбов, — и Второму Украинскому, которым командовал автор этих строк, а членами Военного совета были генералы И. З. Сусайков и И. С. Грушецкий и начальником штаба — генерал М. В. Захаров.

Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами под основание Корсунь-Шевченковского выступа окружить и уничтожить обороняющуюся в нем группировку. Начало наступления Ставка определила: Первому Украинскому фронту — 26 января, Второму Украинскому — 25 января. Разница в сроках обуславливалась разницей расстояний, которые должны преодолеть ударные группировки фронтов до Звенигородки, где они должны были соединиться. Координировал действия фронтов представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В полосе Второго Украинского фронта наиболее плотные порядки вражеских войск находились западнее и северо-западнее Кировограда, где после окончания Кировоградской операции противник сохранил сильную танковую группировку. Поэтому я решил главный удар нанести там, где противник его не ожидал, — севернее Кировограда, — силами четырнадцати стрелковых дивизий 4-й гвардейской армии и 53-й армии при поддержке главных сил авиации фронта, и, прорвав оборону противника на девятнадцатикилометровом участке Вербовка — Василевка, развивать наступление на Шполу. 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова, имевшую в своем составе 205 танков, мы намеревались ввести в сражение в полосе 53-й армии (командующий генерал И. В. Галанин) с задачей завершить прорыв обороны противника и, стремительно развивая наступление, к исходу второго дня выйти в район Шпола — Василевка — Скотарево-Крымки, чтобы перерезать пути отхода на юг корсуньской группировки противника. 4-я гвардейская армия под командованием генерал-майора А. И. Рыжова (с 3 февраля ею командовал генерал-лейтенант И. К. Смирнов), развивая после прорыва обороны противника наступление в общем направлении на Шполу, должна была создать по мере продвижения на запад внутренний фронт окружения.

Кроме главного удара, предполагалось нанести два вспомогательных: один — для отвлечения внимания врага силами 5-й и 7-й гвардейских армий в районе западнее и юго-западнее Кировограда, второй — силами 52-й армии (командующий генерал К. А. Коротеев) в направлении Малое Староселье — Городище в тесном взаимодействии с главной ударной группировкой, с тем чтобы эта армия приняла активное участие в разгроме врага.

5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус мы оставили в резерве, чтобы использовать его во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией для удара по тылам Корсунь-Шевченковской группировки противника.

Из района юго-восточнее Белой Церкви в направлении Звенигородки должна была наступать ударная группировка Первого Украинского фронта в составе части сил 40-й армии под командованием генерала Ф. Ф. Жмаченко, 27-й армии под командованием генерала С. Г. Трофименко и 6-й (только что созданной) танковой армии под командованием генерала А. Г. Кравченко, которая получила задачу замкнуть кольцо окружения, соединившись с танковой группировкой войск Второго Украинского фронта.

Задачу создания ударной группировки командование Первого Украинского фронта пришлось решать в сложной обстановке. Войска этого фронта вели ожесточенные бои, отражая удары врага, насту-

СКИЙ КОТЕЛ



Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал-полковник М. В. Захаров. 1944 год.

пающего из района Винницы и Умани. Поэтому в состав ударной группировки для проведения Корсунь-Шевченковской операции вначале было выделено лишь шесть стрелковых дивизий и вновь созданная 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко в составе 5-го танкового и 5-го механизированного корпусов.

Подготовка операции осуществлялась в весьма сжатые сроки и проходила в напряженной обстановке непрерывающихся боевых действий. На нашем фронте все перегруппировки происходили ночью с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и графику. Для того, чтобы обмануть врага и обеспечить внезапность наступления, мы приняли самые строгие меры оперативной маскировки и дезинформации. Были созданы ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались передвижения войск и техники. Все это, вместе взятое, во многом способствовало успеху операции.

Первостепенное внимание Военный совет фронта уделил боевой и политической подготовке войск, отработке вопросов организации, взаимодействия и управления, разведке противника, изучению его обороны и подготовке передовых атакующих батальонов, или, как мы их называли тогда, штурмовых батальонов. Широко пропагандировался и изучался опыт Сталинградской битвы.

25 января войска фронта перешли в наступление. Для того, чтобы наша артиллерийская подготовка не обрушилась на прикрытие врага, а ударила по главной полосе его обороны, иными словами, чтобы гитлеровцы нас не обманули, было решено вначале провести мощный, но короткий артиллерийский налет и сразу же начать наступление передовыми батальонами. В случае успеха все было подготовлено для наступления главных сил ударной группировки. Такой метод прорыва вражеской обороны действительно обеспечил успех. Атака передовых батальонов, начавшаяся на рассвете, обрушилась на врага внезапно. Батальоны прорвали оборону противника на участке в 16 километров и продвинулись на глубину от двух до шести километров.

Вслед за ними были введены в бой главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий. После напряженных боев за опорные пункты и узлы сопротивления и отражения контратак врага наши войска в первый день операции прорвали оборону врага на 6—8 километров и овладели населенными пунктами Телепино, Радвановка, Оситняжка, Писаревка, Райментаровка. В 14.00 того же дня в бой вступила 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск П. А. Ротмистрова, которая к исходу дня продвинулась вперед на 18—20 километров. Танкисты оторвались от стрелковых частей, преодолели вторую полосу обороны и завязали бой за Тишковку и на подступах к Капитоновке. На этих рубежах танковая армия закрепились, развернула левофланговые соединения на юг с целью расширения прорыва в сторону флангов. С утра 27 января танковые корпуса армий продолжали наступление на Шполю.

Противник, определив истинное направление нашего главного удара и почувствовав серьезную угрозу для всей своей группировки, поспешно начал собирать силы для срыва нашего наступления. Гитлеровское командование перебросило сюда танковые дивизии с Кировоградского направления. На флангах нашего прорыва гитлеровцы создали сильные ударные группировки: на левом — в составе трех танковых и одной пехотной дивизий, на правом — одной пехотной дивизии и танковой дивизии СС «Викинг». Однако маневр противника не был для нас неожиданным. Мы уже по опыту предыдущих операций знали, что немецко-фашистское командование обязательно попытается отсечь наши войска у основания прорыва, и заранее приняли меры, чтобы отразить врага.

На всем участке прорыва развернулись ожесточенные бои. Советские войска мужественно и стойко отражали следующие одна за другой вражеские контратаки и сами продолжали наступать. Все бойцы частей, принимавших участие в прорыве, проявили беспримерный героизм. Особенно отличились артиллеристы и танкисты. Они были подлинными героями этого крупнейшего сражения.

Когда я прибыл на командный пункт генерала П. А. Ротмистрова, расположенный на высоте около населенного пункта Оситняжка, обстановка здесь, откровенно говоря, была не из приятных. Кругом все рвалось и грохотало. Противник мелкими группами танков и пехоты то тут, то там выходил на тылы 20-го и 29-го танковых корпусов, пытаясь вызвать расстройство в их боевых порядках. Отовсюду по радио, по телефону, через связных поступали донесения об этих внезапных атаках, порой самые противоречивые. Населенные пункты в полосе про-

рыва то и дело переходили из рук в руки. Но Павел Алексеевич Ротмистров сохранял выдержку и хладнокровие и твердо руководил действиями армии в эти тревожные часы боя. В нужный момент было принято решение ввести в бой второй эшелон — еще один танковый корпус и стрелковые дивизии 4-й гвардейской армии. Это помогло быстро расчистить полосу прорыва, обеспечить фланги и продолжать наступление к Звенигородке.

Неоценимую помощь наземным войскам оказала авиация, в частности 1-й штурмовой авиационный корпус под командованием генерал-лейтенанта авиации В. Г. Рязанова и 7-й истребительный авиационный корпус под командованием генерала А. В. Утина.

В ночь на 28 января в сражение вступил 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова. Тут я позволю себе несколько забежать вперед и подробнее рассказать о боевых действиях казаков. Мы понимали, что век конницы отошел в прошлое и война, которую мы ведем, есть война моторов. Но, реально подходя к использованию всех сил и средств, считали, что корпус донских казаков в этой маневренной операции сослужит хорошую службу. Тем более, что казаки — не то, что в гражданскую войну — были основательно оснащены техникой: танковыми войсками и артиллерией. Так оно и получилось в действительности. Правда, ввод кавкорпуса в прорыв оказался делом очень сложным, хоть его действия и были обеспечены поддержкой авиации, артиллерией и проходили в тесном взаимодействии с танковой армией. Противнику удалось фланговыми контратаками занять рубеж Пастырская — Капитоновка — Тишковка и преградить таким образом путь кавалеристам. Корпусу пришлось спешиться, чтобы сбить заслоны противника. Совместным ударом второго эшелона 5-й гвардейской танковой армии, стрелковых дивизий 4-й гвардейской армии все фланговые атаки противника были отражены. Наши части вновь заняли Капитоновку и Тишковку. И лишь после этого 29 января корпус вошел в прорыв. Зато, когда корпус вышел в тылы противника, он прекрасно справился со своей задачей — главным образом на внутреннем фронте окружения и особенно в заключительных боях, когда немецко-фашистские войска попытались выйти из котла. Смелые действия кавалеристов нагнали много страха на врага. Донские казаки в этой операции, сложной и трудной, не посрамили свою былую славу «донцов-молодцов». Их высокий боевой дух, а также боевые качества командира корпуса генерала А. Г. Селиванова, командиров дивизий и всего офицерского состава обеспечили успех корпуса в этой сложнейшей операции. Кавалеристы вписали в историю Великой Отечественной войны еще одну яркую страницу. За это им большое-большое спасибо. Особенно генералу Селиванову.

Вернемся, однако, к действиям нашей ударной группировки. Операция на окружение и уничтожение сильной, оснащенной техникой, маневренной вражеской группировки, как показывает опыт войны, — один из самых сложных видов боевых операций, требующий высокого искусства и воинского мастерства от командиров всех степеней. В условиях такой операции обстановка все время резко меняется. Возникает много сложных проблем. Нужно усиливать войска, развивающие прорыв и рассекающие фронт обороны врага, и одновременно отражать фланговые атаки у основания прорыва и, наконец, подтягивать силы для создания внешнего и внутреннего фронта окружения.

Отсюда возникает необходимость маневрировать войсками, брать их с тех участков, где нажим врага слабее, и, разумеется, с тех, которые не подвергаются его атакам. Именно так мы и поступали, маневрировали — да еще как! — совершая в ходе наступления сложные перегруппировки войск. Как я уже говорил, всякий маневр крайне осложнился очень плохим состоянием дорог. Однако все перегруппировки войск были совершены скрытно и своевременно. Благодаря этому удалось не только отразить ожесточенные атаки крупных сил противника на флангах прорыва, но и успешно завершить окружение Корсунь-Шевченковской группировки врага, а также отразить массированные атаки на внешнем фронте окружения.

28 января 20-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала И. Г. Лазарева достиг Звенигородки. Первыми в нее ворвались части 155-й танковой бригады подполковника И. И. Прошина. Навстречу им с запада на окраины Звенигородки с боем вышли передовые части ударной группировки Первого Украинского фронта под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Савельева.

Таким образом, танковое кольцо наших войск замкнулось. Однако это кольцо было не сплошным. Да и не могло быть. Образование

внешнего фронта окружения происходило в условиях непрерывных контратак и контрударов врага. И подвижные войска, сомкнувшиеся у Звенигородки, естественно, не могли заткнуть все возникающие бреши. Поэтому командование фронта принимало все меры, чтобы стрелковые части нашей ударной группировки, иначе говоря, царица полей — пехота, как можно скорее заняли рубеж Звенигородка—Искренное—Водяное—севернее Златополя, чтобы образовать внешний фронт окружения, и рубеж река Ольшанка — Бурты — Ольшаны, по которому проходил внутренний фронт. Сделать это удалось с большим трудом и не сразу: мешали бездорожье и плохая погода. К тому же враг не сидел сложа руки, непрерывно маневрировал и атаковал, пытаясь сорвать продвижение наших войск. Несмотря на все это, войскам нашего фронта удалось закрепиться на указанных рубежах. В свою очередь, войска Первого Украинского фронта образовали внешний фронт окружения на рубеже Тыновка — Рыжановка — южнее Звенигородки — Биевцы — Яхны, устье реки Рось — Крещатик. Кольцо окружения наглухо захлопнулось. В окружении оказались десять кадровых немецких дивизий, в том числе дивизия СС «Викинг» и мотобригада СС «Валония». Всего около 80 тысяч солдат и офицеров, до 1800 орудий и минометов, более 250 танков и много другой военной техники. Командовал окруженной группировкой гитлеровский генерал от артиллерии Штеммерман.

Однако гитлеровцы были уверены, что они вырвутся из котла. Их атаки нарастали. Особенно жаркие бои разгорелись на внешнем фронте окружения с 1 по 3 февраля. Сосредоточив на фронте Юрковка — Лысянка четыре танковых и две пехотных дивизии, гитлеровцы перешли в наступление против 5-й гвардейской танковой армии и частей 53-й армии.

Одновременно навстречу этой наступающей группировке, в направлении Крымки, нанес удар и Штеммерман. После упорного сражения гитлеровцам удалось потеснить наши части на внешнем фронте окружения и овладеть населенным пунктом Крымка. Однако дальше, несмотря на ожесточеннейшие попытки, гитлеровцам продвинуться не удалось. Удар же изнутри кольца вообще успеха не имел. Части 52-й и 4-й гвардейской армии отразили атаки противника и к исходу 5 февраля овладели важным опорным пунктом противника Вязовок. В это же время конники генерала Селиванова, совершив обходный маневр, захватили Вербовку и Ольшаны. В результате наше положение на внутреннем фронте кольца значительно улучшилось. Таким образом, прорвать внешний (не говоря уже о внутреннем) фронт окружения гитлеровцам не удалось. Напорившись на сильную артиллерийскую и танковую оборону, фашистское командование начало перемещать свои удары с востока на запад, в полосу Первого Украинского фронта, в район Лысянки. Это были самые тревожные для нас дни. Командующий группой армий «Юг» гитлеровский генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, который был уже однажды крепко бит советскими войсками при попытке деблокировать 6-ю армию фельдмаршала Паулюса в Сталинграде, видимо, извлек уроки из этой неудачи и на сей раз решил блеснуть своим полководческим талантом.

Тогда, под Сталинградом, он создал деблокирующую группу под командованием генерала Гота, в которую входили две танковые, одна моторизованная и семь пехотных, кавалерийских и авиаполевых дивизий. Здесь же, под Корсунь-Шевченковским, деблокирующая группировка насчитывала восемь танковых и восемь пехотных дивизий. Возглавлял деблокирующую группировку командующий первой гитлеровской танковой армией генерал Хубе. Манштейн был уверен, что такими силами Хубе прорвет фронт и освободит окруженных. Да и сам «фюрер» в этом не сомневался. В телеграмме Штеммерману Гитлер писал: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона».

Положение было критическим. Враг неистовствовал, пытаясь вывести окруженных. Генерал Хубе нанес сильнейший удар на Лысянку, чтобы кратчайшим путем соединиться с окруженной группировкой. Однако и мы не дремали. Командующему 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрову для обеспечения стыка между фронтами было приказано немедленно перегруппировать на правый фланг фронта, в район Лысянки, в образовавшийся коридор, вначале 29-й танковый корпус, а затем и главные силы 5-й танковой армии. Конечно, в этой перегруппировке была доля риска. Враг прилагает все силы, чтобы прорвать внешний фронт окружения, а я снимаю с него танковые войска. Но риск этот был обоснован. Во-первых, на внешнем фронте оставались стрелковые части, усиленные большим количеством артиллерии — порядка 300 орудий на километр, — инженерными сооружениями и минными полями. Во-вторых, средний темп наступления противника, если бы оно даже и было успешным, в условиях распутицы составлял бы самое большее 4—5 километров в сутки. Поэтому, даже допуская, что мы не сможем сдержать врага, ему, чтобы соединиться с окруженной группировкой и пройти пятьдесят километров от населенного пункта Вязовок, расположенного внутри котла, до Юрковки на внешнем фронте окружения, потребуется не менее десяти суток напряженных боев. За это время мы, безусловно, успеем разгромить и пленить всю окруженную группировку. Одновременно с маневром танковой армией я отдал еще ряд срочных приказаний о перегруппировке стрелковых дивизий и артиллерии, чтобы не допустить прорыва гитлеровцев в стыке наших фронтов. В частности, 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу я приказал по тревоге занять оборону в районе Кличкова, на высоте 234,5, чтобы прототвернуть прорыв противника в западном и юго-западном направлениях.

Желая избежать излишнего кровопролития, за подписями заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, командующих Первым и Вторым Украинскими фронтами 8 февраля окруженным гитлеровцам был направлен ультиматум, в котором советское командование предлагало сложить оружие, гарантируя сохранение военной формы, а офицерам — и холодного оружия, оказание немедленной медицинской помощи раненым и больным, обеспечение питанием.



КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКАЯ ГРУППИРОВКА ГИТЛЕРОВЦЕВ РАЗГРОМЛЕНА. НА ДОРОГАХ РАЗБИТЫЕ ФАШИСТСКИЕ ТАНКИ, ОРУДИЯ, ПОВОЗКИ...

Фото И. ОЗЕРСКОГО.



Гитлеровские генералы отвергли этот ультиматум.

На помощь своим окруженным войскам немецкое командование бросило крупные силы авиации, пытавшейся снабжать гитлеровцев с воздуха. Однако попытки установить воздушный мост были сорваны нашими истребителями и зенитчиками. За несколько дней было сбито более двухсот транспортных самолетов врага. Внутреннее кольцо окружения в результате наступления нашего фронта все туже и туже затягивалось. В ночь на 8 февраля Штеммерман был вынужден отвести 11-й армейский корпус из района Городища в район Корсунь-Шевченковского, так как иначе этот корпус был бы отсечен войсками генералов Коротеева, Смирнова и Селиванова. Отход вражеского корпуса проходил в тяжелых условиях. Район Городища с трех сторон простреливался нашей артиллерией. Авиация наносила непрерывные удары по отступающему противнику. Все дороги на его пути были забиты повозками, автомашинами, орудиями. У теснин и мостов образовались пробки. Управление было потеряно. Противник при этом маневре понес крупные потери.

Между тем Хубе продолжал свои попытки прорвать оборонительные рубежи наших войск в районе Лысянки. «Держитесь, я вас выручу», — то и дело радовал он Штеммерману. Восьмое, девятое, десятое февраля прошли в отражении непрерывных атак врага, которому ценой больших потерь кое-где удалось потеснить нашу оборону.

11 февраля немецкие танковые дивизии, наступавшие узким клином из района Ризино, потеснили наши части и к исходу дня вышли в район Лысянки. Между танковым клином Хубе и ударной группировкой, спешно созданной Штеммерманом из двух отборных дивизий, усиленных танковыми батальонами дивизии СС «Викинг» и моторизованной бригадой «Валония», осталось 10—12 километров. Создалась реальная угроза прорыва вражеской группировки.

В директиве Ставки Верховного Главнокомандования, полученной 12 февраля в 16 часов 45 минут, о причинах, вызвавших это напряженное положение, говорится следующее: «Во-первых, несмотря на мои личные указания, не было общего плана уничтожения Корсуньской группировки немцев совместными усилиями Первого и Второго Украинских фронтов. Во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена».

12 февраля 1944 года около 12 часов меня по ВЧ вызвал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Как я помню, состоялся такой разговор.

Прежде всего И. В. Сталин с укоризной сказал:

— У нас в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт двадцать седьмой армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на Первом Украинском фронте, у соседа?

Я доложил:

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с Первым Украинским фронтом я ввел в коридор прорыва войска пятой гвардейской танковой армии, пятый кавалерийский корпус и стрелковые дивизии четвертой гвардейской армии с тем, чтобы загнать противника обратно в котел.

И. В. Сталин:

— Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

Я подтвердил:

— Да, по своей.

И. В. Сталин:

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позволю. И положил трубку. Действительно, через 10—15 минут вновь раздался звонок. И. В. Сталин сказал:

— Нельзя ли все войска, действующие против окруженной группировки, в том числе и Первого Украинского фронта — двадцать седьмую армию, подчинить вам и поручить вам разгромить окруженную группировку?

Я доложил:

— Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение двадцать седьмой армии нашему фронту. Эта армия действует на другой стороне кольца окружения, то есть с противоположной стороны по отношению к войскам нашего фронта, с другого оперативного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом Первого Украинского фронта идут через Белую Церковь — Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно. Ведь сложно тянуть связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь, пока в коридоре идут бои, а напрямую связаться с двадцать седьмой армией невозможно. Кроме того, эта армия очень слабая, растянутая на широком фронте. Она не справилась с задачей удержания окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лысянки.

Сталин выслушал меня и сказал:

— Мы обяжем штаб Первого Украинского фронта передавать все ваши приказы и распоряжения двадцать седьмой армии и оставим ее на снабжении Первого Украинского фронта.

Я на это ответил, что в такой динамичной обстановке подобная форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений. А сейчас требуется личное общение и связь на коротке. Все распоряжения будут идти с запозданием. Прошу армию не передавать в состав нашего фронта.

И. В. Сталин ответил:

— Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом. Тогда и решим.

Лично я так настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии по мотивам, изложенным в докладе И. В. Сталину. Еще должен добавить, что хотя я уже принял меры, чтобы окруженная группировка не соединилась с дивизиями Хубе, однако понимал, что взаимодействие между фронтами нарушено и переподчинение войск осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь дело в том, что

передача 27-й армии нашему фронту не увеличивала пока ее силы. Однако в 16.00 12 февраля я получил по телефону директиву И. В. Сталина о возложении на меня ответственности за разгром окруженной вражеской группировки. Потом эта директива была подтверждена письменно.

Получив директиву Ставки, я сейчас же решил вылететь на КП командующего 4-й гвардейской армией генерала И. К. Смирнова, чтобы быть ближе к войскам и на месте принимать необходимые решения, а также чтобы непосредственно связаться с 27-й армией. И хотя мой ПО-2 стоял наготове рядом с хатой, в которой располагалась моя штаб-квартира, вылететь было трудно: погода хуже некуда. Тем не менее я позвонил командарму-4 и сообщил, что вылетаю к нему в населенный пункт Толстое: этого настоятельно требовала обстановка. Генерал Смирнов возбужденно возразил, что принять самолет не может: нет площадки для посадки. Вокруг деревни Толстое, в которой расположился его командный пункт, пашня. Поля размокли настолько, что даже танки двигаются с трудом.

— Настелите соломы,— приказал я.— Сядем. Это ж кукурузник! Через несколько минут я вылетел. Вскоре подлетели к Толстому, вижу: солома настлана. Самолет сел на солому, в конце площадки завяз колесами в грязь и скапотировал. К счастью, все обошлось вполне благополучно. Откуда-то притащили лестницу, и я спустился на землю.

Илья Корнилович Смирнов встретил меня на машине, на которой мы и добрались до штаба. Обстановка складывалась трудная. Чтобы выполнить задачу, поставленную Ставкой, надо было действовать смело, быстро и решительно. Все говорило о том, что немцы не собираются прекращать атак. Генерал Хубе каждые полчаса открытым текстом передавал Штеммерману, чтоб он держался, что он, Хубе, вырчит его.

Более всего меня беспокоило положение 27-й армии. Поэтому первым делом я вызвал начальника связи и приказал немедленно проложить связь напрямую, по коридору прорыва, к НП командующего 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, который находился в деревне Джурженцы. К рассвету 13 февраля мне доложили, что прямая связь по коридору с командующим 27-й армией генералом Трофименко установлена. Связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта через еще не полностью очищенный от противника коридор между внешним и внутренним фронтом окружения, где шли бои, сумели протянуть провод.

Я тотчас же вызвал командарма-27 к телефону. Мы были знакомы и раньше: встречались с ним, когда он воевал в составе Степного фронта во время Курской битвы. Генерал Трофименко был человеком решительным и смелым и умело руководил войсками. Но я знал и его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. И, конечно, понимал, что всякое переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира: как к нему относятся в новом фронте? Поэтому я спокойно выслушал доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и боевом составе армии и вооружении. Слушая доклад, я чувствовал в его голосе тревогу и, посоветовав крепко и уверенно держаться, сказал:

— Вашу армию переподчинили мне. Я знал ее раньше как боевую. Для того и переподчинили, чтобы ей оказать действенную поддержку войсками нашего фронта. Вы уже знаете, что наш фронт кое-что сделал еще до приказа Ставки, чтобы вам помочь отбить атаки противника из Стеблева на Шендеровку. Товарищ Трофименко, я знаю вас давно и уверен, что вы задачу выполните. Я нахожусь близко к вам и готов всегда прийти на помощь. В районе Новая Буда и Комаровка находятся части двадцать девятого танкового корпуса и пятый кавкорпус. Полагаю, что к вам в Джурженцы скоро выйдет восемнадцатый танковый корпус армии Ротмистрова и два стрелковых корпуса армии Смирнова. Держите со мной регулярную прямую связь.

Забегая вперед, скажу, что в ходе операции я был весьма доволен действиями 27-й армии. А взаимное доверие между командованием способствовало успешному выполнению задачи.

К утру 13 февраля наше положение и на внешнем и на внутреннем фронте улучшилось и стало довольно устойчивым. Мы продолжали сжимать и дробить окруженную группировку противника и успешно отбивать его атаки на внешнем фронте.

Как складывались события дальше? Предпринимаемые генералом Хубе многочисленные атаки в течение 14 и 15 февраля с целью дальнейшего продвижения на юго-запад были успешно отражены нашими войсками. К 15 февраля сила деблокирующих немецких войск истощилась, и генерал Штеммерман получил приказ пробиваться самостоятельно в южном направлении. Это означало, что Манштейн потерял надежду деблокировать окруженные войска.

Продолжая напряженные наступательные бои, войска Второго Украинского фронта к исходу 16 февраля сжали кольцо окружения до предела. Данные разведки свидетельствовали о том, что гитлеровцы сделают попытку вырваться из окружения. Загнанные в ограниченный район, прилегающий к населенному пункту Шендеровка, они могли выбрать одно из двух: или сдаваться, или пробиваться напролом. Потеряв всякую надежду на помощь извне, командование окруженной группировки решило предпринять в ночь на 17 февраля последнюю отчаянную попытку вырваться из котла. По данным разведки и показаниям пленных, в ночь на 16 февраля и в течение дня в районе Шендеровки производилась перегруппировка и сосредоточивание сил с тем, чтобы в ночь на 17 февраля прорваться из окружения в направлении Лысянки.

Собрав крупные силы на узком участке фронта, Штеммерман рассчитывал с помощью своих уцелевших дивизий внезапной ночной атакой прорвать фронт наших войск и вывести из окружения хотя бы старший офицерский состав и штабы.

Если снегопад и пурга в эту ночь в какой-то мере подбадривали гитлеровцев и они рассчитывали, используя плохую видимость, прорваться, выскользнуть незаметно из кольца, то удары нашей артиллерии и авиации смешали их планы. Я не оговорился, именно авиация. Я понимал, что поднять самолеты в столь сложных метеорологических условиях — дело очень рискованное. Командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации С. К. Горюнов подтвердил по телефону, что летать в такую пургу невозможно. Однако требовалось во что бы то ни стало зажигательными бомбами осветить сосредоточенные в районе Шендеровки войска противника. Поэтому я предложил Горюнову вызвать добровольцев... В ответ на этот призыв восемнадцать экипажей 392-го полка ночных бомбардировщиков доложили о готовности немедленно подняться в воздух. Первым пробомбил врага самолет капитана В. А. Завеского и штурмана младшего лейтенанта В. П. Локотоша. Они сбросили бомбы точно в цель. Загорелись вражеские машины и повозки. Метко отбомбились и другие экипажи. Над местом сосредоточения гитлеровцев запылало зарево пожара, который послужил прекрасным ориентиром для наших артиллеристов.

В три часа ночи гитлеровцы густыми колоннами двинулись из района Шендеровки — Хилки навстречу своей гибели. Враг предпринимал последнюю отчаянную попытку.

Натиск врага приняли на себя части 27-й и 4-й гвардейской армий. Я тотчас отдал приказ 18-му и 29-му танковым корпусам и 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, наступая навстречу друг другу, пленить или уничтожить противника. Решающее сражение началось. Неистовый штурм врага напоролся на непреодолимую крепость и силу советских войск.

Вот как рассказывал о последних часах окруженной группировки пленный обер-лейтенант Фридрих Вильгельм:

«Наше наступление из района Шендеровки началось в 23 часа 16 февраля, и, по-моему, из окружения никто не вышел. Я из Шендеровки выехал на подводе утром 17 февраля. Все дороги были забиты транспортом, кругом был неимоверный беспорядок. Все смешалось в один общий поток. Все бежало, и никто не знал, куда он бежит и зачем. На дорогах и вне дорог валялись разбитые машины, орудия, повозки и сотни трупов солдат и офицеров».

Да и в самом деле, как можно было пробить четыре полосы обороны — две на внутреннем фронте окружения и две на внешнем, да еще в центре коридора невредимыми пройти мимо организованных нами противотанковых районов истребительной артиллерии? Били гитлеровцев, пытавшихся вырваться из котла, не только войска обороны, но и маневренные ударные группы, танковые корпуса армии Ротмистрова и кавалерийский корпус Селиванова. Они находились у устья коридора, то есть на флангах предполагаемого прорыва. Им, как уже говорилось, был отдан приказ наступать навстречу друг другу между двумя и тремя часами утра, то есть именно в то время, когда гитлеровцы подошли к передовым позициям нашей обороны.

Танки шли в наступление с зажженными фарами, и поэтому видимость была хорошая. Они, словно молот, били по противнику то с одного, то с другого бока, прижимая его к центру коридора. Трудно описать сцены, разыгравшиеся на этом заключительном этапе сражения. В мятущемся снегу пурги, пронизанном яркими лучами фар и светом ракет, там и тут завязывались схватки. Бились врукопашную — штыками, огнем, автоматами, карабинами. Казаки с шашками наголо носились по полю боя, загоняя бегущих гитлеровцев в плен. Крики людей, рев моторов, выстрелы и разрывы слились в один сплошной гул.

Когда наступил рассвет, немцы, видя всю безнадежность обстановки, начали сдаваться большими группами...

Вместе с воинами регулярных войск мужественно сражались в тылу врага наши партизаны. Так, в центре кольца окружения отважно дрался с гитлеровцами партизанский отряд имени Тараса Шевченко под командованием Н. А. Дудченко.

Весь народ освобожденных районов поднялся на помощь Советской Армии. Дети, мужчины и женщины несли на руках снаряды, помогали нашим солдатам всем, чем только могли. В тяжелых погодных условиях эта помощь сыграла, бесспорно, большую роль в выполнении задачи, стоящей перед войсками Второго Украинского фронта в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки.

К утру 17 февраля со всей группировкой врага было покончено. За бессмысленное и преступное упрямство гитлеровского командования, отклонившего наш ультиматум о капитуляции, ценой своих жизней заплатили десятки тысяч немецких солдат. Погиб и командующий вражеской группировкой генерал-полковник Штеммерман. Его тело, обнаруженное у села Джурженцы, по моему приказу было предано земле немецкими военнопленными.

Так закончилась Корсунь-Шевченковская операция. В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина отмечалось, что в ходе этой операции немцы оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. В плен сдались 11 тысяч солдат и офицеров противника¹.

За отличные боевые действия всем войскам Второго Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунью, была объявлена благодарность.

18 февраля 1944 года столица Родины салютовала войскам, завершившим уничтожение окруженной группировки врага, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

В результате успешного завершения сражения враг был окончательно отброшен от Днепра. Всякие надежды на восстановление вражеской обороны в его среднем течении были похоронены. Наши войска продолжали наступление, освобождая правобережную Украину и весь юг страны.

¹ К этому следует добавить потери противника при попытке прорвать фронт окружения извне: 20 тысяч солдат и офицеров убитыми и большое количество техники, в частности 329 самолетов, более 600 танков, свыше 500 орудий.